

КРАКИ КУЗДЕБЫ ДОРОГ

журнал • рассказы

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Андрей Федоров

Журнал «Рассказы».
Край забытых дорог

«Крафтовая литература»

2025

Федоров А.

Журнал «Рассказы». Край забытых дорог / А. Федоров —
«Крафтовая литература», 2025 — (Крафтовый литературный
журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-6053025-7-5

Слышишь, как потрескивает воздух, будто рвётся ветхая ткань мироздания? В этих местах война с чародеями оставила пепел да призраков. У подножия одинокого холма, где спит последний дракон, скоро возникнет тревожная тень. И пока последняя нюйва ютится среди клеток передвижного зоопарка, в одном пыльном окутанном паранойей городишке, одержимый Шериф затеет опасную игру. Истории о цене легенд. О звёздах, что не больше ладони, и мире — что клетка, куда ни держи путь. Журнал «Рассказы», выпуск 40. Край забытых дорог

ISBN 978-5-6053025-7-5

© Федоров А., 2025
© Крафтовая литература, 2025

Содержание

Зазоры	6
Оставленные	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Александра Хоменко, Алексей
Гибер, Андрей Дёмин,
Андрей Федоров, Ирина
Невская, Мария Хакль**
Журнал «Рассказы». Край забытых дорог
Крафтовый литературный журнал. Выпуск 40

Зазоры

Алексей Гибер, Ирина Невская

«Дорогой брат Петруша!

Пишу второе письмо, не получив от тебя ответа. Надеюсь, ты в добром здравии и дела свои хоть немного поправил.

У нас в Полесьево покамест спокойно. Смотрящие во главе с уездным поставили ведунство на чуткий надзор, нынче все ворожеи только во благо села свои травы жгут. То ли по их милости, то ли по Божьему промыслу и урожай в этом году удался. Так что, тьфу-тьфу, нисколько не бедствуем.

Вот только грозой иной раз в воздухе веет, а небо-то чистое. Как бы война с чародеями до наших краёв не дошла. Ежели что знаешь о том – напиши непременно! А то совсем запропал ты, от Иванова дня нет никаких вестей! Право слово – волнуюсь. В последнем своём письме ты сообщал, что нужда тебя одолела, так что подумываешь в государевы люди податься. Сильно это меня беспокоит, брат.

Эка жизнь повернулась, гляди! Помнится, прежде всё ты обо мне, непутёвом, тревожился. Всё шалости мои перед мамкой с отцом покрывал, хотя и сам нещадно порою был луплен. Сейчас же у меня душа не на месте, так что отправляю тебе посылку (верю, что довезут в сохранности). И не говори же потом, что брат твой добра не помнит, ха-ха!

А лучше – сам приезжай. Помогу, чем смогу. Тем более, что давеча я устроил одно прибыльное предприятие. Подробности раскрывать тут не буду, а коли приедешь – всё как есть расскажу. Дело, к слову, очень простое, однако помощника мне не хватает. Из местного люда взять никого не могу – одно мужичьё тёмное, необразованное. Суевериями да страхами живы. На меня и то смотрят с опаской, плюются да на воротах знаки малюют. Ну да я, сам знаешь, – пуганый, всё как с гуся вода! Пускай себе тешатся.

Приезжай, Пётр, ей-богу!

*Любящий и помнящий тебя брат,
Михаил».*

Перечитав в очередной раз смятое по краям письмо, Пётр сложил его и убрал в карман сюртука. Пришло оно ещё по осени, когда Петра лихорадка свалила. Лежал слабый и немощный, как младенец, но брату немедленно отписался. Так, мол, и так: война до нас пока не добралась, но как только поправлюсь, сразу приеду. Ответа, впрочем, не получил. А теперь уж и весна в самом разгаре, а от Мишани всё ни слуху ни духу.

Извозчик устало стегал кобылу кнутом, пока та неспешно перебирала копытами по чавкающей грязи. Полесьево показалось в низине за поворотом – виднелись одинаково ветхие хибары, небольшая церквушка поодаль, в самом центре – махонькая круглая площадь. За деревьями в поле кормился скот. Мальчишка-пастух покрикивал на коров да размахивал длинной, чуть ли не во весь свой рост, палкой.

– Но, зараза! Куда прёшь?! Но! – Щёлкнул кнут, но измученная кобыла ничуть не прибавила шагу.

Пётр размял затёкшие плечи, закрыл глаза и вздохнул.

Все беды остались далеко позади. Там, в глубине страны, пылали пожары, свистели огнецветы, земля красилась кровью и шастали по домам смотрящие, топя тяжёлыми сапогами. Здесь же небо радовало синевой, а птицы свистели так звонко, будто и не было никакой войны. Будто просто так возвращался Пётр к родителям в родную усадьбу.

Война шла более года, и всё смешалось в единый гул, вой, крики. Петру уже непонятно было, кто несёт мир, а кто смерть; кто казнит его за косою взгляд, а кто обратит в пыль злобным

проклятием. Радовался он лишь, что не успел обзавестись женою с детьми – у соседа его в одну ночь полыхнула изба, да и сгорела вмиг, никого в живых не осталось.

К весне, когда зарево от ворожейства показалось за городскими холмами, Пётр решился бежать. Да и сколько тянуть? Если не испепелят заживо, так уведут на войну против магов. Пётр же по природе своей отнюдь не был разудалым воякой. Он был высок, сутул, неуклюж. И потому не без оснований считал, что стоит ему только показаться на поле боя, как первое же случайное заклятье сразит его наповал. А умирать где-нибудь на болоте, оставив голову мавкам на радость, в планы Петра никак не входило.

Отправился ночью – пешком, через поле, потом напрямки и в посадку¹. Гремело всё ближе, зарева вспышками освещали небо, но Пётр уже прятался за деревьями, пробираясь сквозь кустарники, уходил от города всё дальше и дальше.

– Тпру! – вывел Петра из дум скрипучий, как колесо, голос. Лошадь встала. Пётр открыл глаза, очнулся от полудрёмы. Оказалось, они уже подъехали к краю села, и извозчик глядел на него выжидающе.

– Держи, заслужил, – Пётр пошарил в мешке, что прислал ему брат, и вытянул оттуда пару сребреников.

Глаза извозчика вспыхнули, но не жадно, а почему-то недобро. Небрежно швырнув монеты в телегу, он сплюнул Петру под ноги и покатил восвояси.

Пётр только изумлённо головой покачал. Видать, богато живут тутошние селяне, зажрались. В городе за такие деньги можно было и головы лишиться.

Медленно он побрёл по дороге, с трудом узнавая родные места, которые покинул ещё мальчишкой. Шутка ли – тридцать лет, считай, в селе не был! Сильно отец обозлился, когда Пётр – старший наследник, надежда его и опора в старости, – решил науке себя посвятить. Не благословил сына на учёную жизнь, только вслед плюнул и наказал обратно не возвращаться.

С братом Мишаней Пётр, впрочем, встречался исправно, когда тот приезжал излишки с полей продавать. Мать передавала через него приветы да гостинцы. Пётр порывался приехать, помириться с отцом, но мать писала: не время пока, погоди! Так и прождал Пётр, чувствуя, как год от года отмирают в нём тепло и привязанность к дому. Сначала помер отец, так и не простив старшего сына. За ним и мать в могилу сошла. Остался в старом доме Мишаня один.

А Пётр – что? Смирился с таким к себе отношением. Ведь верил, что делает нужное и важное дело. А теперь вон, как всё обернулось! Ведуны да колдуньи в верхи прорываются, а учёные будто и вовсе никому не нужны! Не особо сложившаяся в городе служба профессора алхимических наук закончилась и вовсе бесславно. Похоже, и правда от судьбы не уйдёшь. Так уж на роду у него написано – землю возделывать. Ну даст Бог, война скоро кончится и заживут они с братом спокойно.

Впереди виднелась церквушка. За ней – Пётр помнил – рошица из берёз, а там уж и до дома рукой подать. Подходя, поднял руку – перекреститься, да так и застыл. Окна и двери у церкви оказались забиты досками, крест наверху покосился, дорожка травой заросла. Как так? То ли попа нового не прислали? Оно, конечно, с попами сейчас туго – все молодые на войне слово Божье несут. Но и стариков ведь немало! И как это селяне без церкви в такую пору? К соседям, должно быть, ходят.

Берёзы почти и не изменились. Шумели листвой, белели стволами. У Петра даже сердце зашлось, когда понял, что сейчас увидит дом детства. Невольно прибавил шагу, но выйдя на холм, остановился, как вкопанный. Вместо просторной бревенчатой усадьбы перед ним вздымался голый остов. Крыша выгорела дотла, стены обугленными пальцами брёвен тянулись наверх. В середине одиноко стояла каменная печь, да почему-то осталась цела калитка.

Как же это... А Михайло-то где?!

¹ Посадка – специально посаженный людьми лес

На враз ослабевших ногах Пётр спустился вниз. Растерянно побродил по пепелищу. Заглянул зачем-то в уцелевшую печь. Зола уже затвердела, впиталась в землю. Верно, пожар был ещё до снега. Да как же так вышло, а Миша...

Не удержавшись, Пётр осел на поваленное бревно. Оглядел обугленные руины. Вот так вернулся домой! Где ж теперь брата искать?

Сколько просидел так – не помнил. Пришёл в себя, уже когда солнце скрылось за рошей. Тяжело поднялся, вздохнул. И пошёл обратно, припомнив, что видал на подъезде к селу небольшой постоялый двор.

* * *

Внутри стоял гомон и пахло махоркой. За столами тут и там, словно грибы после дождя, мостились мужики – спорили, ругались, что-то всюю обсуждали, рубились в карты. Пётр взял у кабачника кружку пива, присел на свободное место. Огляделся, поймав на себе несколько испытующих взглядов.

– А я сразу говорил – гнать их надо отсюда! – распаялся мужик в рваной рубахе. – Когда Ваньку моего по прошлой весне в лесу так нечисть гоняла, что он насилу до дому добрался! Говорил потом: все три дня ему в спину ведьмы смеялись! Как наигрались с ним, так и выпустили, а до того всё по кругу водили. Больше ни сына туда не пушаю, ни сам не хожу. Пока государевы всех ворожеев не перебьют к чёртовой матери! А ты кто таков будешь? – нежданно повернулся к Петру.

– Я-то? – Пётр растерялся, хотя и сам хотел про Мишу узнать. Отхлебнул пива, откашлялся, отёр ус. – Ушакова Михайлы брат. Вот, вернулся в родной дом, а дома-то нет.

Шум в кабаке утих. Головы, одна за другой, повернулись к нему. Взгляды из заинтересованных враз стали недобрыми.

– Петька, штоль? – прищурился оборванец.

– Я. А ты-то?..

– Фёдор. Прохора-кузнеца сын.

Пётр припомнил, как совсем малым пацаном прятался от Фёдкиных дурных шуток. Поёжился.

– Ну так чего? – спросил с вызовом, скрывая опаску. – Знаешь, может, где мне брата искать?

Фёдор пожевал прокуренный ус, сплюнул.

– Я брату твоему в няньки не нанимался. Как старая усадьба сгорела, так он и пропал. Туда и дорога!

Все разом загомонили, громко и зло. Пётр потёр лицо. Не с того, видно, начал, – мелькнула мысль. Он потянулся за пазуху, вынул мешочек, бросил на стол. О дерево глухо стукнулись златники.

– Угощаю, – натянул он улыбку. – Пейте, мужики. Я же не враг, я же тутошний, местный. Просто хочу брата сыскать. Помогите мне, а?

Фёдор шархнулся. Зашипел, спрыгивая с лавки, облезлый кот. Вмиг вокруг Петра образовалось пустое пространство. Он непонимающе озирался, глядя на разъярённые лица.

Вдруг в ногах у него что-то зашевелилось, и Пётр от испуга едва за котом не слетел. Поглядел вниз и увидел чью-то лохматую голову. Один глаз незваного гостя глядел в сторону, а второй – ярко-синий, пронзительный, – на Петра.

– Эй, мужик, – испуганно окликнул Пётр. – Ты чего тут?

Лохматый резко мяукнул, потом замычал.

Юродивый, догадался Пётр. А тот безо всяких вступлений заголосил:

– *Течёт озеро-река, уплывает в облака, чёрт речной сидит на дне, души жарит на огне, души корчатся, орут, не спасёт их золото тут!*

Захохотал, заверещал, залаял.

Пётр поднялся, давая божьему человеку возможность выбраться. Но тот рухнул на пол, засучил ногами.

– Гришка! – раздался от двери скрипучий голос. – Вот ты куда утёк! Ну-кося, поди сюда! Я те вкусность дам!

Гришка юрко, на четвереньках, бросился к выходу. Там стояла высокая седая старуха. Сунула безумцу что-то в рот, как дворовому псу, и тот довольно заурчал, зачавкал.

– Иди-ка ты, гость, отсюда! – сурово приказала она Петру. – Да деньги свои забери. Проклятые это деньги, дьявольские. Через них твой брат и сгинул. Коли не хочешь за ним отправиться, лучше сам уезжай.

– Да вы чего?! – изумился Пётр, оглядываясь. – Я же к вам по-хорошему... Я ж...

– Сказано: пшёл отсюда! – толкнул его Фёдор. – Ну!

Пётр сунул мешочек в карман и, подгоняемый тычками, вывалился на двор. Следом из кабака высыпали мужики. Засвистели, загоготали. Не дожидаясь, пока ему выбьют пару зубов, Пётр поспешил восвояси.

Воздух был по-весеннему свеж, даже холоден. Пётр приуныл, сообразив, что ночевать снова придётся на голой земле. Побитым псом он потащился обратно к берёзовой рощице, рассудив, что если уж спать под небом, так хоть пусть это небо будет поближе к дому. Ох, Мишаня, во что же ты снова ввязался, брат?

Впереди замаячила церковь. Она возвышалась над селом немым укором, тёмной забытой обителью божьей. И Петра озарило – вот же оно, пристанище! Уж Господь-то за порог точно не выставит!

Подобравшись вплотную, он подёргал за доски, оторвал одну почти у самой земли, и будто Гришка юродивый, на карачках заполз внутрь. Здесь и правда было гораздо теплее, но темень стояла – хоть глаз выколи! Не мудрствуя лукаво, Пётр расположился прямо под дверью. В открытый проём виднелись далёкие сполохи. Котомка под головой казалась самой мягкой периной. И Пётр сам не заметил, как провалился в сон.

* * *

Проснулся он на рассвете. За порогом церкви серело. Затекали ноги и руки, нутро требовало выйти на двор. Пётр выбрался наружу, размялся. Отошёл чуть подальше – не у церкви ж нужду справлять! – а, как развернулся обратно, так и застыл столбом. Позади него, аккуратно перед заколоченной дверью, виднелась сизая, едва уловимая дымка. Она уходила напрямиком в небо, словно бы переливаясь в воздухе, как вода. А за ней, вместо церкви, плыла, кривилась та самая рощица, от которой Пётр вернулся.

“*Течёт озеро-река, уплывает в облака*”, – зазвучал в голове Петра писклявый голос блаженного.

Что за невидаль?

Пётр обошёл *небесную реку* кругом. С обратной стороны в ней, будто в огромном зеркале, отражалась старая церковь. Краюха солнца показалась из-за деревьев, и тогда Пётр решил – осторожно подкрался к ряби и погрузил в неё руку. Руке стало прохладно, как в сенях посреди жаркого дня.

Кивнув сам себе для уверенности, Пётр шагнул вперёд – и тут же его завертело, закрутило, замотало во все стороны, словно он и не спал вовсе, а всю ночь прокутил в кабаке.

А как очнулся, открыл глаза – обомлел.

Полесьево словно поразила-таки война – выгоревшие, обугленные, разбитые дома кривились у подножья холма. Где-то вдалеке виднелись столбы чёрного, как смоль, дыма, словно догорало что-то после разрушительного колдовства. Рошица позади него была и не рошицей вовсе – редкие ряды голых деревьев, тянущих свои скрюченные пальцы-ветки к красному, как юшка², небу.

А внизу, за деревьями, виднелся его старый дом. Здесь, как виделось Петру, он был цел и крепок.

Все внутренности будто скрутило железной рукой, дыхание спёрло. Петру стало так страшно, как никогда прежде. Хотелось немедля вернуться обратно, но усадьба манила, звала.

Пётр выдохнул шумно и, повинувшись беззвучному зову, припустил вниз. Как домчал до калитки – не помнил. Скрипнула старая дверь. Пылинки повисли в воздухе.

– Миша! – крикнул Пётр и сам поразился, как глухо звучал его голос. – Мишаня!

Бросился по ступеням наверх, обежал комнаты одну за другой. Они были пустынные и тихи. Даже звуки шагов словно бы впитывались в половицы. В одной из спален, на разобранной, покрытой пылью постели лежала тетрадь в кожаном переплёте.

Пётр пролистал её, вглядываясь в диковинные значки. Почерк неуловимо напоминал братнин, но слов было не разобрать.

Снаружи протяжно завывало.

Пётр будто очнулся от морока, сунул находку за пазуху и помчал прочь из дома. Глянул на небо – чёрное, непохожее на настоящее, солнце подёргивалось в зените, будто разрывая края небосвода. Полдень? Неужто так быстро время прошло?!

Не желая думать, что случится, если он не успеет выйти отсюда до заката, Пётр побежал обратно к *реке*.

Пройти удалось без труда – Петра снова трянуло, и он упал на траву. Свежую, летнюю, густую. Не такую, как на *той* стороне. Живую. Сердце переполнилось радостью. Хотелось расцеловать землю, вознести хвалу Богу, чтоб никогда не испытать больше подобного страха, как в жутком отражении Полесьево, что он увидел сегодня.

Что-то будто бы шевельнулось у самой груди. Пётр заорал по-бабьи, вскочил, встряхнулся. Из-под рубахи вывалилась тетрадь. Хотя тетрадь её теперь можно было назвать только с натяжкой. Кожаный переплёт выглядел склизким и вонял гнилью. Страницы истлели и почти вывалились. Слов, и прежде-то неразборчивых, сейчас вообще почти не было видно. На Петра нахлынуло отвращение. Брать в руки этакую мерзость, да ещё листать, перебирая гнилые страницы, ему совсем не хотелось.

Но ведь это, возможно, была зацепка! Единственная подсказка о том, где искать Мишу.

Кое-как одолев гадливость, Пётр двумя пальцами, будто лягушку за лапу, поднял тетрадь и понёс её в церковь.

Остаток дня, перекусив наскоро запасами из котомки, Пётр провёл, изучая находку. Он отодрал часть досок поверх окон, и в свете угасающего дня на него со стен мрачно взирали святые, суровый Христос корчился на кресте. Пётр до рези в глазах вглядывался в непонятные знаки, и так и этак пытаясь разобрать, что написано. И вдруг осенило! Он бросился в каморку служки, отыскал маленькое потрескавшееся зеркальце. Глядя в него, повернул тетрадь исписанными листами. Выдохнул радостно: так и есть! Значки улеглись в слова, а те – в целые фразы.

Но были они настолько выцветшие, истёртые, что разобрать Петру удалось совсем мало. Да и то, что всё-таки разобрал, не принесло в итоге никакой пользы.

«Вчера произ...ло со мной непонятное, неясное в природе своей, не иначе как вмешательство Божье...»

² Юшка – просторечное название крови

«Говорить никому об увиденном я не стал – посчитали бы блаженным, косились бы. Да и сам бы я не поверил, что уж – пускай и видал на своём веку волхвов, что ворожат, искрами сыпл... да в урожае помогают, а под...ного чуда не видал нико...да...»

«...я решил изложить не поэтому. А потому, что возвращаясь домой снова под утро, вновь застал эту дымку, но в этот раз решил...»

Письмо прерывалось на полуслове. На другой странице продолжилось с середины.

«...оказался в своём же селе – только выглядело оно не так, как обычно. Виднелось везде запустение, скалились пустыми оконцами избы. Неуютно было и холодно. Я обернулся на дымку...»

Дальше слова сливались цветом с страницами. И только на самой последней Петру удалось кое-как разобрать:

«Не зная, что делать, я бежал прочь от него... но он догонял.

Он был повсю...»

На этом письмена обрывались. Пётр вздохнул озадаченно. Писал, несомненно, Мишаня. Но всё написанное было Петру и самому уж знакомо. Про дымку и село по ту сторону. Непонятным оставалось одно – от кого бежал Миша? И где он сейчас?

Пётр поглядел на разбросанные листы. Ветхие, будто пролежали в земле пару десятков лет. Выход, по всему, у него был только один. Снова войти на рассвете в небесную реку. И там, коли тетрадь вернётся в прежнее состояние, попробовать узнать больше.

За стенами разыгралась гроза. Всполохи молний царапали чёрное небо, барабанил галопом по крыше тяжёлый дождь, а Петра разморило. Чудилось ему в полубреду, что то не дождь, а кто-то чужой стучит к нему в дверь, в стены и в ставни; заглядывает в окна, улыбается несколькими ртами, шепчет его имя разбушевавшимся ветром.

Пётр проснулся.

Гроза уже стихла – не сверкали вдалеке зарницы молний, не прогибались под льющейся с неба водой деревья. А стук всё равно был слышен.

Неприятно засосало под ложечкой. Руки одеревенели, слух наострился. Пётр подкрался к окну, выглянул...

И заорал, что есть мочи, увидев гостя, что просился к нему войти.

Облепив церквушку десятками рук, словно паук свою жертву, он выговорил:

– Продава-а-а-ай!

Шурша, скрежеща, уполз на крышу. Пётр успел заметить несколько ртов, что расплылись в ухмылке, с дюжину жёлтых глаз, немигающе уставившихся на него.

– Продава-ай това-ар... – слышалось хриплое из щели в двери.

– Господи милостивый... – начал было креститься дрожащей рукой Пётр, но тварь только засмеялась.

– Не-е-ту господа. Не бойся, Пе-е-етя, я тебя не тро-о-ну. Прода-а-ай това-а-ар и уйду.

– Что ты такое, тварь?! – вскрикнул Пётр в отчаянии. *– Что тебе нужно?!*

Тварь затопала сверху, сползла обратно к окну. Улыбнулась всеми ртами, зашелестела осенней листвой.

– Пле-е-етень я. Что же, бра-а-атец тебе твой не ска-а-азывал ничего? Продава-а-ай товар, и я сги-и-ину. Только мне прода-ай, пока други-и-ие не пришли, я пе-ервый был!

Какой товар?!

Пётр зашарил безумным взглядом по полу.

Тетрадь! Тетрадь Мишина!

Он заметался по церкви в сомнениях. Отдать тетрадь твари – и навсегда лишиться возможности узнать, что стало с Мишей. А не отдать... так, может, лишиться и жизни?!

В остервенении он схватил тетрадь, показал Плетню и, метнувшись к двери, выбросил её наружу. Тварь зашипела и поползла с крыши вниз.

Перед Петром мелькнули белые длинные руки, жадно схватили тетрадь, устремились с нею вверх по стене. Затем что-то грохнулось оземь. Что-то тяжёлое, звонкое.

– *Опла-ата*, – протянул Плетень, вновь показавшись в окне. – *Как принесё-ё-ёшь ещё что оттуда, я приду-у-у. Спи споко-о-ойно, Пе-е-етя!*

Пётр почувствовал, что на него наваливается усталость, давит к земле.

И когда Плетень утонул в темноте, в глазах Петра тоже окончательно потемнело.

* * *

Очнулся он днём, когда яркое, что желток, солнце через окно нагрело лицо. Встал, потряс головой, сгоняя с себя остатки ночного кошмара.

Неужто привиделось?

С опаской выглянул наружу.

Зашевелились волосы на затылке.

Прямо перед дверью лежал раскрытый мешочек со златниками. Часть их рассыпалась и извалялась в грязи. Пётр быстро собрал неожиданно привалившее богатство, внёс внутрь. Медленно осел на пол. События ступень за ступенью выстроились в голове ровной лесенкой.

Так вот, получается, что у брата было за предприятие! Таскал с *той стороны* вещицы, продавал Плетню. Ну или каким-то ещё *другим*. Знать – лесным ведьминским выкормышам. За каким лядом им эти вещицы понадобились, Петру было неинтересно. Главное – покупали, а не за так требовали.

Ну а мужичьё местное Мишу за то невзлюбило. Ведьм и так нынче никто не жаловал, а тут они ещё над людьми изгаляются, забавы ради кружат, по лесам водят.

Знать, мужики местные Мишку и извели! Хорошо, если просто выгнали, а если чего похуже сотворили? Вон ведь, от усадьбы один только пепел остался!

Пётр почесал бороду, прикус ус, задумавшись. Чутьё кричало: бросить всё да бежать поскорее отсюда! Душа возражала: а вдруг Мишаня всё-таки жив? Разве можно бросить младшенького в беде?

Ох, Миша-Миша. Подведёшь под монастырь, не иначе.

* * *

Златники Пётр надёжно припрятал, отогнув в полу доску. Поразмыслив, решил всё же спуститься в село – запасы почти иссякли, а голод не тётка.

В постоянный двор на этот раз сунуться не отважился. Постучал в одну калитку, в другую. Отовсюду получил от ворот поворот. В одном дворе так и вовсе мятый с похмелья мужик схватил дрын³ и погнал Петра, как нашкодившего мальчишку, вон из села. Позади, визжа и улюлюкая, бежали стайкою ребятишки. Пётр выскочил в поле, помчал, задирая колени, через высохшую траву, к стаду. Наконец преследователь его выдохся и отстал.

Пётр спрятался за широким – в два обхвата – дубом, и с опаской из-за него выглянул.

Мужика с дрыном не было. Пётр присел, отдышался. И неожиданно для самого себя разозлился! Да где это видано – человеку домой теперь вернуться нельзя?! Для того он столько лет на науку потратил, чтобы теперь неотёсанный мужлан его палкой гонял?

Пётр сидел у дерева, распалая внутри свою злость. Нет, ну куда же это годится? Где, в конце концов, их смотрящие?! И на что они вообще нужны, если честному человеку теперь по улице не пройти!

³ Дрын – большая палка, кол.

Проснувшийся голод никак не способствовал благодушию. Но всё же слегка поразмыслив, Пётр улёгся в траву, благоразумно решив переждать здесь, пока не стемнеет.

Мирно паслись рядом козы. Жужжали над лицом мухи. Солнце слепило, пробиваясь сквозь кудрявые листья. Земля хоть была ещё холодна, но в жаркий день Петру было даже очень удобно.

Пролежав так пару часов, Пётр рассудил, что уже можно вернуться обратно. Вот только есть хотелось ему всё сильнее.

Козы разбрелись в стороны, но неожиданно кто-то заблеял ему почти на ухо. Пётр подскочил с перепугу, но мигом сообразил, что это полоумный Гришка сидит по ту сторону дерева. Опять от бабки сбежал?

Оказалось – нет, не сбежал. Старуха шла к нему через поле, одной рукой держа юбки, а в другой несла какой-то тряпичный узел. Приблизившись, кинула узел в Петра. Сквозь грубую ткань чувствовалась внутри какая-то снедь.

– Спасибо! – заискивающе улыбнулся старухе Пётр.

– В последний раз говорю – уезжай! – не отвечая на приветствие, процедила карга. – Иначе закончишь, как брат!

– А как он закончил? – живо заинтересовался Пётр. – Вы расскажите, я может быть и уеду!

Она глядела, прищурившись. Потом повела длинным носом, будто принюхиваясь.

– Скажи-ка, лазил уже?

– Куда? – притворился дурачком Пётр.

Старуха смотрела пронзительно, прямо душу ему выворачивала. Пётр не сдавался, глядел в ответ. Наконец она качнула головой.

– Вижу, понимаешь, об чём говорю! Зазор поутру видал. Но был ли внутри? Ну?!

Пётр молчал. Старуха грозно цыкнула.

– Не вздумай туда соваться, Петро! Зазор затянулся почти, а полезешь – опять оживёт. Твой брат и так его собою долго кормил, а ведь все ведуны знают: не трогать их – зарастут сами собой без вреда. Предупреждала Мишку: не лезь, не корми тварей! Не послушал, жадный дурак. Мало нам, что с войной эти зазоры тут и там, ровно грибы от дождя растут. Так ещё и глупцы, как твой брат, их постоянно питают.

– Что значит питают? – голос Петра поневоле дрогнул.

– То и значит! – старуха презрительно фыркнула. – Жрёт ходоков зазор, ширится да растёт. Вон-ка, брат твой ещё в конце осени сгинул, а зазор как висел, так висит! С каждым рассветом у церкви, как в насмешку, является! Вроде гляжу: тускнеть понемногу начал. К лету исыяк бы совсем и высох. Нет, ты на горе явился! Всегда вы, Ушаковы, были алчные твари! Всё село через вас страдало и продолжает страдать! Уезжай отсюда, тебе говорю! Коль соберёшься, так снарядим повозку и, куда надо – туда и свезут. А нет... так пеняй на себя!

Пётр выдохнул шумно, топорща усы. Поутихнувшая было злость вспыхнула пуще прежнего. Ах ты ж, старая дрянь! Обдурить его, значит, решила? Небось и сами не дураки были *на той стороне* пошастать, с нечистью поторговать, а теперь-то Пётр им всю малину испортил! Дело понятное: земля, на которой церковь стоит, – всё Ушаковых владения. Одного барина они извели, а тут другой появился. Ушаковы им, гляди-ка, страданья несли! Да всё село их полями кормилось! Всем работы хватало! А теперь, как отец, значит, помер, так можно и сына его...

Пётр рванулся вперёд и – откуда только силы взялись! – схватил старуху за горло.

– Говори, что с братом моим сотворили, старая гадина! – прошипел ей в лицо. – Говори немедленно, не то придушу, как кошку!

– У-у-у! – протянула та, будто и не чуя руку на шее. – Значит, в зазор ты всё же полез! Зря спасти тебя, выходит, старалась. Ох, дурачина ты, Пётр! Слушай же, бестолочь, да мотай

Тварь посмотрела бельмами мёртвых птичьих глаз, будто задумавшись. После кивнула. Выудила из ниоткуда мешочек с монетами, показала ему, кинула под окно.

– Ухуху! Птицик оплатил! Ухуху! Птицик покупает крест! Ухуху!

Пётр ринулся ко входу, не глядя, кинул во двор уже проржавевший крест и заперся, подперев дверь доской. Вернулся к окну – Птицика там уже не было. Спустя несколько минут тот вновь появился, заухал, защёлкал безжизненными клювами.

– Птицик доволен! Ухуху! Птицик рад! – прокричал он множеством птичьих голосов. Фёдор успел заметить в одном из клювов крест. – Птицик уходит! Ухуху! – И он неуклюже зашагал в сторону леса.

Когда он исчез, Пётр прокрался на улицу. Под окном и впрямь лежал мешок со златниками – те приятно охладили руку посреди тёплой весенней ночи.

* * *

Война подбиралась всё ближе. За холмами горели сёла, сверкали вспышки, доносились далёкие крики. Полесье ещё жило своей спокойной жизнью, но по вечерам всё чаще тянуло гарью из-за леса, всё сильнее виднелись яркие всполохи на горизонте.

В селе появились смотрящие. Целая троица их наведлась к полоумной старухе, о чём-то пробеседовав с ней до вечера. Пётр наблюдал за ними с холма, не решаясь больше спускаться в село. На счастье, и голод его поутих. Есть теперь совсем не хотелось, но Пётр насильно заставлял себя сжевать пару сухариков да сделать глоток воды.

Иногда Пётр ловил на себе тяжёлые взгляды смотрящих, но те не поднимались к нему, предпочитая пугать мужиков.

Плохи дела – раз государевы люди здесь, значит, война совсем близко.

Надо бежать, крутил в голове Пётр, но вместо этого, как привязанный, каждое утро навещался в зазор. Он уже не пытался обмануть себя тем, что ищет по ту сторону Мишу. Нет, просто *черви* в его голове утихали только в чёрном селе. И вели себя смирно вплоть до самой ночи, пока не приходил к нему очередной покупатель.

А потом опять начинали ползать внутри, извиваться, выгрызать Петру внутренности. И не было от них никакого спасения, пока Пётр не нырнул в жадно лоснящуюся пасть зазора. Он уж совсем забыл, как собирался изучать природу сего явления, но всё больше разгоралась в нём жажда наживы, распирая изнутри гнойником.

За последние вылазки он добыл две позолоченные спицы да разбитое зеркальце со золотой ручкой. За спицами пришёл Ржец – тварь притворилась конём, но затем раскрылась, подобно бутону цветка, и на разросшихся рёбрах проковыляла к окну.

– Пф-ф-ф-р-р-р-родаёшь? – загоготала, кивнув на спицы, которые Пётр держал в руке.

Он кивнул. Так же, как и с Птичиком, выбросил товар за дверь, получил оплату. Ржец аж зацокал копытами от радости, раззявил морду, разорвав её на несколько частей, ухватил спицы длиннющим языком и, сгорбившись, уцокал во тьму.

За зеркальцем никто не пришёл. Пётр уже было подумал, что сплоховал, забрав с собой не ценную вещь, но перед рассветом чернота у леса зашевелилась. Пётр пытался разглядеть «покупателя», но ему виднелась лишь густая высокая тень с расплывчатыми очертаниями, будто бы он был пьян и никак не мог свести глаза перед собой.

– Сядь-ка спиной к окну, – прошелестело существо словно бы прямо у него в голове. – Поглядишь в зеркало. Да на меня не смотри – свихнёшься.

Пётр послушался. Старательно отводя глаза от темноты позади себя, он наткнулся на собственный воспалённый взгляд. И даже забыл про гостя, в такое пришёл смятение. На него глядело измученное худое лицо. Борода свалилась сосульками, губы спеклись в уголках. Только глаза лихорадочно блестели, словно бы у безумца.

«Что со мной стало?!» – сжалось у Петра сердце.

Зеркало замерцало, очертания его растаяли, и оно исчезло. В руке вместо него появился мешочек с монетами.

– Беги теперь, – прошептали словно над ухом. – **Он** уже рядом. Только не кличь помощи в ночном лесу. Иначе я вернусь, но тебе уже нечего будет продать мне.

Тьма рассеялась, а Пётр, наконец, вздохнул полной грудью.

В очередной раз Пётр шагнул в зазор непривычно холодным утром. Перед тем как провалиться внутрь, он заметил знакомый силуэт в конце дороги. Старуха, нахмурившись, смотрела на него, а затем скрылась за поворотом.

Товар на этот раз долго не находился. Пётр уже обошёл всё село, как вдруг раздался гулкий, протяжный вой. Задрожали колени. Не помня себя от страха, Пётр побежал к зазору, спотыкаясь и едва держась на ногах. Чёрное солнце давило, нависнув в зените, и будто росло в размерах. Небо словно покраснело ещё ярче, насмехаясь над ним. Фёдор, наконец, увидел знакомую дымку и из последних сил припустил к ней.

Внезапно он споткнулся обо что-то и полетел кувырком. Рывком поднявшись, обернулся – из земли торчала ржавая сабля с серебряной рукоятью. Недолго думая, Фёдор рванул её и, едва вытащив, побежал дальше. Вой за спиной усиливался, приближаясь. Вдалеке нарастал гул.

Он влетел в дымку кубарем, распластавшись на земле «живой» стороны. Сабля упала в траву, а Пётр зарыдал – от ужаса, от того, что чуть не настигло его там, на другой стороне.

Взяв себя в руки, он наконец поднялся и, подхватив добычу, тихонько побрёл к себе.

Ночью обессиленно сидел на полу, прислонившись спиной к стене, пока в окно не застучали.

– И-и-ищут тебя, и-и-ищут, – прохрипел огромный полусгнивший труп по ту сторону. Вся спина его была утыкана могильными крестами, из окна явно тянуло свежей землёй. – Пора бежать, Петенька, уже совсем пора, – он засипел в душающем приступе кашля вперемешку со смехом.

– Сабля на дворе, – устало сказал Пётр. – Деньги оставь под дверью.

Сейчас, когда черви внутри него успокоились, он ясно осознавал, что бежать ему и правда пора.

– Ну купе-е-ец, купе-е-ец! – захихикала тварь. – Удружил, Петенька, благодарю, – и сгинула из виду.

Спустя полчаса Пётр вышел за дверь – златники лежали на крыльце. Пересчитав их и сложив в общий мешок под полом, он без сил свалился на лежанку и тут же уснул.

* * *

Из сна его выдернул громкий стук. Пётр открыл глаза, резко сел. Вокруг стояла кромешная темнота. Как же это... Ведь даже в самой тёмной ночи виднелись какие-то очертания. А теперь словно глаз выколи!

Он прислушался. Уловил чей-то тихий голос.

Пришли. Это за ним пришли!

Снова заколотилось что-то под дверью, и Пётр вдруг понял – его здесь запирают! Заколочивают, будто в здоровенном гробу!

Бросился к окнам, стал стучать. Ни капельки света не проникало оттуда.

– Богдан, неси факел! – зычно заорал кто-то под дверью. Пётр узнал голос Фёдора.

– Что вы творите?! – крикнул он. – Немедленно выпустите меня отсюда!

Ответом ему стал гул разгоняющегося огня.

Пётр заметался – куда бежать?

Черви проснулись, закопошились, закрутились в мозгах. Пётр замычал, бросился к тайнику, отогнул доску. Прижал к себе мешок с золотом – неожиданно помогло, черви чуть поутихли.

Огонь уже заплясал по стенам. Пётр сообразил – колокольня! Бросился к винтовой лестнице, ведущей наверх. За всё время он ни разу сюда не ходил – было незачем. Теперь же бежал сломя голову, даже не думая, что и оттуда спасения нет – слишком высоко. Прыгнешь – шею свернёшь.

Наверху лежал сбитый потрескавшийся колокол, уже давно покрытый пылью и бурый. С высоты колокольни виднелась другая, отражённая, – на той стороне Полесьево.

Внизу затрещал огонь, подбираясь к Петру.

Он вздрогнул, поднялся. Заозирался, схватив покрепче мешок.

Перед церковью молчаливо застыла толпа, замороженно глядя в огонь. Даже Гришка не бесновался, сидя на четвереньках у ног старухи.

– Будьте вы прокляты, нелюди!!! – заорал Пётр, но никто на него даже не глянул.

Выползшее из-за купола солнце блеснуло лучами о грани зазора. Пётр прикинул на глаз расстояние до той, отражённой церкви. Нет, не допрыгнет!

Опять заметался по кругу и вдруг заметил напротив такое же мечущееся движение. Он замер, вглядываясь в силуэт за бликующей дымкой.

Силуэт помахал рукой.

Отступил, приглашая.

Пётр застонал. Не допрыгнет! Да только какой же тут выбор?

По ту сторону зазора висело на небе, словно усмехаясь, чёрное солнце.

Пётр отошёл, насколько возможно, примеряясь к разбегу.

– Ну, с богом! – сказал он.

Перекрестился, в два прыжка разогнался и, вскочив на деревянный уступ, оттолкнулся и прыгнул.

Он успел заметить собственное злобно-ликующее лицо в отражении, а потом врезался в дымку, как в битое стекло, – остро, болезненно. Ощущая, как его кромсают, режут на части осколки зазора. Как разрывают изнутри подросшие черви.

Придя в себя в отражённой колокольне удивился – живой! Раздумывать было некогда, и он быстро пополз вперёд. Руки загребали пыль и древесную крошку.

Содрогаясь всем телом, Пётр приподнялся, глянул в сторону. И замер в ужасе.

Высушенный труп у стены раскорячился в жуткой позе. Пётр с трудом сглотнул, подошёл поближе. И прислонился к стене, чтоб не упасть. Он узнал его.

Миша.

Только сейчас Пётр заметил, что стены колокольни исписаны чёрно-красным.

«ЯРОМОР»

«ЯРОМОР»

«ЯРОМОР»

«ЯРОМОР»

Куда ни посмотри, повсюду одно и то же незнакомое слово.

На дрожащих ногах Пётр сполз по стене, закрыв лицо руками и покачиваясь. Ему не было жалко брата. Черви выгрызли все его чувства, оставив одно только – страх.

Снаружи протяжно завывало. Загрохотало, колокольню потрянуло. Пётр вздрогнул всем телом, заозирался.

Ему плевать уже было на златники, потерявшиеся где-то позади, в междумирье. Хотелось лишь любой ценой выбраться. Пускай даже обратно к селянам, что пытались его только что сжечь. Лишь бы не видеть того, кто так протяжно воет и так тяжело и гулко шагает, подбираясь всё ближе к Петру.

Стремглав он сбежал вниз по разбитой запущенной лестнице. Выбежал вон из церкви – небо напиталось красным, словно чуя его присутствие и готовясь упасть на землю, облепить, не дать вырваться. Позади снова раздался вой – жуткий, нечеловеческий.

Пётр метнулся к зазору и почти до него достал... Как вдруг почувствовал, что кто-то схватил его за ногу! Он обернулся, совсем уж по-детски захныкав, ожидая увидеть полчища мертвецов, тянущих его за собой в преисподнюю. Но то была простая коряга. Пётр ликующе вскрикнул, рванулся один раз, другой... И, выдернув ногу из сапога, кубарем влетел прямо в зазор!

Его перекрутило, вытошнило на траву. Он поднял испуганный взгляд – деревенская толпа немо смотрела на него в ужасе. Рядом пылала церковь. Пётр пополз вперёд, вытянул руку, желая объяснить им, что он ни в чём не виновен!

А позади ликующе зарокотал хохот.

Толпа, визжа, бросилась врассыпную. Пётр увидел, как мужик перед ним закатил глаза, грохнулся оземь. Другой в мгновение поседел, свалился в траву и застыл там с искажённым лицом.

– *Часть себя оставил там – путь открылся всем чертям! Чёрт вылезает из реки – все подошли мужики!* – истерично взвыл Гришка, обхватив руками голову и покачиваясь из стороны в сторону. Пётр успел заметить старуху – та держалась за сердце и хлопала ртом, что выброшенная на берег рыбина.

И только тогда он обернулся.

Солнце вставало над церковью. Сизая дымка рассеялась, и Пётр увидел, что в отражённом Полесьево на небе покоилось вовсе не солнце, а огромный кровавый глаз. *Его* глаз, ранее закрытый чёрным веком.

Глаз моргнул, и Яромор, нашедший дорогу в Полесьево, выпрямился во весь рост, заслонив собой небо. Пётр успел заметить над головой чёрную, гигантскую – с десятков колоколен – ступню.

А затем пришла темнота.

Оставленные Александра Хоменко

– Эй, нюйва! Я кое-что придумал для тебя! – Рябая Папашина рожа лоснилась от самодовольства. – Заканчивай с посудой и дуй быстро мыться.

Энни смахнула мокрой рукой липшие к лицу белые волосы и тяжело посмотрела на него. Всю ночь она украшала поляну лентами, развешивала линялые афиши «Зоопарк Папаши Ириндила», отмывала клетку жоули, который от жары в дороге опять потек (и самого жоули попробовала отмывать, но лишь перепачкалась в розоватой жиже), а потом еще приготовила кашу вместо Арха – тот вчера нажрался сливовой водки и уснул прямо в загоне для лошадей, успев, к счастью, перед этим их распрячь и накормить.

– Иди ты со своими идеями, – прошептала она зло.

– Побудешь сегодня человечкой, – продолжал Папаша как ни в чем не бывало.

– Человечкой? – Энни не поверила своим ушам. – Я? А как же Натан и Милка?

– Чернякам этого будет мало. Раз золотой девочки у нас больше нет, – Папаша помрачнел, – скажем, что ты оч-чень необычная человечка. Им понравится.

Как всегда при упоминании Аллианы, золотой девочки, Энни затрясло.

– Вот сам и будь человеком, раз тебе надо!

– Забываешься, нюйва. – Папаша все еще выглядел добродушно, но Энни опустила взгляд. – Платье оставлю в клетке у людей, переоденься. И помыться не забудь, а то выглядишь и воняешь хуже жоулиного дерьма.

Он ушел, а Энни уронила руки в чан с мыльной водой и так и сидела, разглядывая, как серые пузырьки липнут пленкой к коже. Еще немного, думала она, и придут сельчане, и ей надо будет выполнить Папашин приказ, иначе он лишит еды и заставит вычищать дерьмо. Надо домыть посуду, умыться и идти к Натану с Милкой. От этой мысли стало совсем тошно, и голова упала на грудь.

Крепкая волосатая рука мягко отодвинула ее в сторону, и рядом сел Джагга.

– Иди. Я доделаю.

Он до рассвета собирал клетки и тоже выглядел неважно, а еще был привычно по-гноми хмур. Энни вцепилась в его плечо.

– Ты слышал, что этот старый эльфийский козел выдумал? Чтобы я изображала человечку! Сам убил Аллиану, а теперь изворачивается.

– Может, не убивал, – в который раз повторил Джагга. – Зачем ему это?

– Золото!

– Золотая девочка как экспонат приносила хороший доход.

– Где она тогда? И на что он купил защитное слово?

Джагга вздохнул и намылил тарелку. Этот разговор повторялся из раза в раз.

– Ты просто слишком добрый, Джагга, и не видишь в других зла. – Энни положила голову ему на плечо и зажмурилась. – Что бы я без тебя делала.

– Иди давай, – буркнул он, и ей почудилась в его словах улыбка. – Глядишь, еще грошей подзаработаешь. Черняки любят смотреть на людей. И постарайся вечером не уснуть – разговор есть.

Энни чмокнула его в гладкую щеку и побежала к реке. На спуске обернулась – Джагга тер кастрюлю, к которой она все утро боялась подступиться, и издали его лицо казалось вытянутым и чуть более острым, чем положено гномам. Это от усталости, думала Энни, спускаясь, но только ли из-за возраста Джагга безбород? По легендам, гномы бородуют в младенчестве... Может, оттого она и чувствует с ним такое родство, что у него тоже есть тайна? Впрочем, совать

нос в чужие дела Энни не собиралась. В конце концов даже сам Папаша – явно не чистый эльф, а гляньте-ка – с лицензией.

Она поскоблила себя куском мыла, несколько раз окунулась, сорвала с ноги пиявку и, натянув рубашку и портки, побежала к клеткам.

Раньше в центре поляны стояла клетка с золотой девочкой, а теперь – с людьми. Папаша знал, что делает: черневые эльфы, или черняки, отличались от остальных эльфов не только внешностью. Смуглые, кряжистые и страшные, они любили людей – белокожих, статных и тонких, в то время как весь остальной мир их ненавидел.

Натан и Милка казались свежими и прекрасными. Натан был в набедренной повязке, а Милка замоталась в голубую прозрачную ткань. В углу стоял сундук, полный костюмов разной степени откровенности – за день они переодевались несколько раз. Из всех выживших людей в этом мире нашли себе место только красивые – им единственным эльфы прощали их грязное происхождение. Остальные подыхали на каменоломнях или на черной работе в самых захудалых притонах. Потому стараться приходилось вдвойне.

Когда Энни подошла, Натан отжимался, а Милка сидела у крохотного зеркала в золоченной оправе, подарка зажиточного черняка из низин, и расчесывала длинные черные волосы. Папаша с грохотом запер дверь клетки за Энниной спиной – словно перекрыл прутьями весь свет и тепло.

Милка зажала нос и отвернулась. Натан легко вскочил на ноги.

– Ну здравствуй, человечка! – Последнее слово он выделил, и Энни показала язык.

Он подошел к сундуку, вытянул оттуда что-то белое и с силой швырнул в нее. Хоть ткань и была мягкая, а уголок царапнул по глазу, и это было неприятно. Натан сложил руки на груди и уставился на ньюву.

– Переодевайся скорее, а то не понравишься чернякам.

Энни повернулась к нему спиной, стянула рабочую одежду и под его пристальным взглядом влезла в белое платье, которое подчеркивало ее собственную белизну.

Хоть Папаша и кричал направо и налево, что в его зоопарке собраны последние представители вымерших народов, это было, конечно, брехней. И когда выяснилось, что Энни – действительно последняя из ньюв, он долго думал, как с таким сокровищем поступить. Ньюв не видели уже много веков. Обезумевший Бог уничтожил их первыми, и никто о них толком ничего не знал. Оказалось, выглядели они как уродливые люди – с белыми волосами, бровями и ресницами, ну и с чуть красноватыми глазами. И это разочаровывало. Папаша пытался сделать из ньювы сенсацию. На громкую афишу собрались жители сразу трех селений высокогорья. Горные эльфы подходили к клетке, хмыкали и уходили смотреть на других обитателей зоопарка, и вправду куда более примечательных.

Чтобы отбить деньги, уплаченные за девочку, Папаша пристроил ее в помощницы, и это было удачное решение, потому что Арх и Джагга справлялись скверно. А вдруг и правда черняки поверят, что тощая белесая кухарка – необычная человечка? Папаша умел извлекать выгоду из всего.

Энни поправила складки, заплела мокрые волосы в косу и заметила, что Натан все еще смотрит.

– Как насчет того, чтобы разыграть небольшой спектакль, а, ньюва?

На этих словах Милка грохнула гребнем об пол. Иногда, чтобы порадовать зрителей и получить больше грошей, они показывали страсть. Такие представления очень любили зажиточные черневые эльфы, некоторые из них потом подсовывали Папаше золотые за ночь с человеком или девочкой, но Папаша, хоть и одобрял все, что приносило доход, тут твердо стоял на своем: у него не экзотический бордель. Да и все знают, как быстро люди цепляют болезни и дохнут.

– Ну так что? – Натан улыбался нахально.

– Давай, – кивнула Энни, – поцелуй нюйвы достаточно ядовит, чтобы тебя впечатлить. И она облизнула губы так, чтобы они заблестели от слюны.

– Бреешь, – усмехнулся он.

– Проверь!

Натан как будто задумался, а потом откинул крышку сундука и достал оттуда свернутый лист бумаги.

– Мне по вкусу другие... самки. Смотри.

Он приблизился. Энни отступила и уперлась в прутья. Натан навис и почти ткнул в нее листом. Это был рисунок. Странное существо, похожее на мелюзину, но не она. Змеиное лицо, женское туловище без рук с тремя грудями и множество толстых змеиных хвостов вместо ног. Выглядела она мерзко, но не более, чем любой обитатель зоопарка, включая самого Натана.

Энни пожала плечами.

– Теперь понятно, почему ты с Милкой.

Откуда-то донеслось «Ах ты сука», а Натан продолжал смотреть странно, и Энни под его взглядом сжалась.

– Да чего ты ко мне прицепился, а? – Она попыталась его оттолкнуть.

Тут заиграла шарманка Папаши, а значит, первые сельчане шли по тропе к поляне.

Клетки вокруг загрохотали – их обитатели готовились к встрече. Натан спрятал рисунок и застыл, напрягая грудные мышцы. Милка подплыла к нему, бросив Энни: «Подойдешь на два шага – порежу». Энни встала с краю, мечтая, чтобы ее не заметили.

А потом «Зоопарк Папаши Ириндила» распахнул свои двери.

Черняки шли весь день. Подолгу торчали около клеток, задавали вопросы, просили спеть им и станцевать, кидали гроши и огрызки. Раньше Энни наблюдала за этим со стороны и не понимала, от чего так устают обитатели зоопарка, которым не приходится, как ей, трудиться. Но за этот нескончаемый день она измоталась так, что к вечеру засыпала, стоило просто прислониться к стене. Не раз Энни думала, что лучше бы перемыла двадцать жоули, чем все это. Впрочем, в ее углу собралась горка грошей, и даже издали было видно, что у Натана с Милкой раза в два меньше.

Папаша был доволен. Сгреб кучу себе, отсыпал Энни десятку и похлопал ее по плечу.

– Можешь забыть о том, что ты нюйва. Скажем, что ты человечка-альбиноска, на такую диковинку не только черняки клюнут. Завтра утром пусть Арх отдувается на кухне.

– Эй, мы так не договаривались! – крикнула Милка.

– А ты не расслабляйся. Три человека зоопарку, возможно, и ни к чему. А вот работники нужны.

Они еще препирались, а Энни тяжело опустилась на пол. Казалось, что клетка становится все уже, что прутья перетянули грудь, и стало трудно дышать.

– Но ведь я хорошая работница, – прошептала Энни.

Папаша засмеялся и неожиданно мягко сказал:

– Иди-ка спать, Джагга сам со всем справится.

– Я в порядке, – сердито ответила она.

Энни видела из своей клетки, что мальчика с дырой напугали крики зрителей, что у трехголового болела одна из голов, а у Иньи посинели пятна на теле. А что с остальными? Она была им нужна.

Папаша только махнул рукой и ушел в свой фургон – явно праздновать хорошую выручку.

Рыхлый и мятый с похмелья Арх разливал похлебку, Джагга открывал по очереди клетки и помогал выйти усталым обитателям зоопарка. Последним он вынес мальчика-дерево, которому, как обычно, отчаянно не хватало воды и сил, и положил его прямо в реку. Глядишь, за ночь и восстановится.

– Ничего, ничего, – сказал Джагга, усаживаясь у костра. – Постоим здесь несколько дней, и куплю всем леденцов.

Длинноногий радостно хлопал руками и ногами, и гуи, глядя на него, хлопали тоже, изображая радость.

Все расселись и стали шумно хлебать, причмокивая. Громко хрустели камнями дзюни – самые выгодные существа в зоопарке, как любил говаривать Папаша. Правда, был случай, когда фургоны застряли в болоте без запасов камней, и дзюни съели половину клетки.

Энни, вытянув ноги к огню, глотала пресное пойло, которое, несмотря ни на что, было густым и сытным, и смотрела на тех, кто сидел рядом. На жалкие остатки мира, уничтоженного обезумевшим Богом. На тех, кто стал ей семьей. Она привыкла быть им нянькой, а теперь, если Папаша не передумает и посадит ее в клетку, все неизбежно изменится.

– Не спать! – рявкнуло в ухо, и от неожиданности содержимое миски опрокинулось на белый подол.

Натан громко заржал. Гуи посмотрели на него и тоже заржали, но перевели взгляд на Энни и захныкали. Она попыталась отряхнуть кусочки еды, но лишь размазала коричневое пятно.

– Ах ты сволочь! Папаша меня убьет!

Энни хотела кинуться на Натана, но запнулась и едва не улетела в костер.

На плечо ей легла теплая ладонь, удержала, и Джагга примирительно сказал:

– Зато у тебя будет новое платье, и в следующий раз вообще все гроши уйдут тебе.

Энни злорадно отметила, что лица Натана и Милки скривились.

– А ты бы не вмешивался, недогном. Иди лучше на конюшне приберись, – сплюнул Натан.

Джагга пожал плечами:

– Думаю, вы скоро ко мне присоединитесь. Зоопарку ни к чему много людей, одного успешного более чем достаточно.

Натан сжал кулаки и шагнул к нему.

– А как зоопарку без золотой девочки, а, отродье? Или она тоже была лишней?

Джагга смотрел спокойно.

– Мне жаль, что Аллиана пропала.

– Неужели.

Энни успела подумать, что, если дойдет до драки, неизвестно, кто победит – Джагга могуч, как все гномы, а Натан ловок и силен. Но Натан резко развернулся и ушел в сторону фургонов. Милка вскочила и убежала за ним. Джагга продолжил есть, словно ничего не случилось.

Засвистел ветер, и Энни обернулась, точно зная, кого увидит. Мальчик с дырой уставился в землю и переминался с ноги на ногу, дыра в его груди рябила, была мутной – сквозь нее огонь казался размытым пятном. Так бывало всегда, когда мальчик сильно волновался. Энни погладила его по руке и улыбнулась:

– Все хорошо, не переживай. Хочешь, я расскажу историю?

Он быстро закивал и с шелестом отпрянул в тень.

Разговоры и шорохи стихли, все смотрели на Энни. И она, хоть и еле держалась на ногах от усталости, заговорила. Придумывать новое сил не было, и она в сотый раз стала рассказывать про далекую утерянную страну ньюв. Про высокое море, что вздымалось к небесам, и города, раскинутые по его волнам. Про драконов, поющих из пены. Про прекрасных белых ньюв в одеяниях из перьев, в которых они могли летать на ветру и бегать по волнам. Про магов ньюв, которые первыми придумали открыть порталы в другой мир для своего народа, когда Бог обезумел и начал убивать.

Она говорила все более плавно, тягуче, тихо, и все жители зоопарка, замороженные историей, расслаблялись и становились сонными. Она брала каждого за руку, вела к фургону и

укладывала спать. Напоследок она спустилась к мальчику-дереву, чьи ноги по-прежнему были в воде, и укрыла его волчьей шкурой. Подняла взгляд к пятнам загорающихся звезд, каждая – с ее ладонь, вдохнула вечерний переспелый воздух и наконец-то пошла к чернеющему в отдалении фургону Арха и Джагги, где в углу, за перегородкой, лежала ее подстилка.

Завернувшись в тонкое одеяло, Энни провалилась в лабиринты сна, в котором мелькали клетки, фургоны, лица Папаши и Натана, свист ветра и золотые руки Аллианы. Потом появились высокие эльфы, окружили плотной стеной, и полетели камни, камни, камни. Во сне она забила руками, пытаясь укрыться, и тут теплые мамины руки обняли, погладили по голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.